

УДК 343.77

DOI: 10.34670/AR.2026.56.99.050

Концептуальные основы уголовно-правового регулирования экологических преступлений в Российской Федерации

Костенков Даниил Сергеевич

Аспирант,
Высшая школа права,
Югорский государственный университет,
628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16;
e-mail: Kostenkov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-правовые и практические проблемы уголовно-правового регулирования экологических преступлений. Особое внимание уделяется неопределённости объектов охраны, сложностям установления причинно-следственной связи, разграничению уголовной и административной ответственности, а также вопросам доказывания вины. Автор анализирует законодательные дефекты, влияющие на квалификацию экологических преступлений и соразмерность санкций. Предлагаются меры по конкретизации составов преступлений, формализации критериев экологического вреда и совершенствованию подходов к уголовно-правовой защите окружающей среды.

Для цитирования в научных исследованиях

Костенков Д.С. Концептуальные основы уголовно-правового регулирования экологических преступлений в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 441-447. DOI: 10.34670/AR.2026.56.99.050

Ключевые слова

Экологические преступления, уголовная ответственность, экологический вред, квалификация преступлений, охрана окружающей среды, методология исследования, уголовное право.

Введение

В условиях нарастающей уязвимости природной среды и усиления общественного запроса на эффективную правовую защиту экосистем, экологические преступления приобретают возросшую общественно-правовую значимость. Уголовно-правовое регулирование выступает ключевым инструментом в борьбе с экологическим вредом, требующим теоретически выверенного основания. Это необходимо для обеспечения предсказуемости правоприменения и достижения реального превентивного эффекта в сфере охраны окружающей среды.

Однако, несмотря на наличие специальных норм и активность правоохранительной практики, в уголовно-правовом регулировании экологических преступлений наблюдаются системные затруднения. Проблема здесь не в одном отдельном недостатке, а в целом наборе спорных моментов. В законе не всегда достаточно чётко видно, какие именно блага и объекты защищаются, по каким признакам нужно отличать один состав экологического преступления от другого и как правильно оценивать такие деяния на практике. К этому добавляется ещё и несбалансированность наказаний. В результате похожие случаи могут получать разную правовую оценку, а сама уголовно-правовая защита окружающей среды становится менее действенной.

Экологическое преступление представляет собой предусмотренное уголовным законом общественно опасное виновное деяние, посягающее на общественные отношения, обеспечивающие рациональное использование природных ресурсов, сохранение благоприятной для человека и иных живых существ природной среды, обеспечение экологического правопорядка и безопасности населения. При правовой оценке подобного деяния учитывается весь состав преступления: на какие общественные отношения оно направлено, в чем проявилась его внешняя сторона, кто именно его совершил и какова форма вины. Существенное значение имеет не только сам факт нарушения экологических требований, но и его последствия либо реальная возможность их наступления. Поэтому для правильной квалификации необходимо сопоставить обстоятельства дела с конкретной нормой уголовного закона и установить, что причиненный вред или угроза его причинения находятся в причинной связи с поведением виновного лица.

Особое значение имеет доказательство именно экологического вреда, отличного от экономических или технических нарушений. Критерии отграничения экологического преступления от иных преступлений и противоправных деяний в сфере природопользования включают характер вреда, масштаб последствий, степень угрозы экосистемам и наличие специального состава, предусмотренного уголовным законом. Преступление отличает также необходимость наличия общественной опасности, выражающейся в значимости экологического нарушения для общества в целом, а не только для отдельных лиц или имущественных интересов. При оценке границ правовой квалификации учитываются нормативные требования природоохранного законодательства и специфика умысла или неосторожности, проявленной в действиях субъекта. В практике значение имеют доказательства фактического загрязнения, уничтожения или иного вреда компонентам природной среды.

Основная часть

Соотношение уголовной ответственности с административной и гражданско-правовой регламентацией определяется принципом соразмерности и назначением уголовного

преследования как крайней меры воздействия. Границы уголовной репрессии устанавливаются исходя из масштаба вреда, уровня общественной опасности деяния, характера вины и наличия повторности противоправного поведения. Переход административного правонарушения в преступление обуславливается наличием признаков уголовно наказуемого деяния, выраженных в тяжести последствий и в объективно и субъективно оцененной опасности для окружающей среды. Понимание этих критериев важно для дальнейшего анализа проблем квалификации и соразмерности санкций в правоприменительной практике.

Объекты уголовно-правовой охраны в сфере экологии имеют составную природу и включают природные ресурсы, среды обитания, биологическое разнообразие и здоровье населения как самостоятельные, но взаимосвязанные предметы защиты. Такое множественное содержание требует дифференцированного подхода к квалификации деяний, так как ущерб может проявляться на разных уровнях экосистемы и социального благополучия. Учет комплексности объектов позволяет лучше соотнести криминализируемые деяния с охраняемыми интересами уголовного права.

Правовые критерии выделения материальных и нематериальных объектов охраны опираются на их юридическую феноменологию, экологическую роль и характер охраняемых общественных отношений.

Когда экологический вред одновременно затрагивает имущество, здоровье людей или общественную безопасность, возникает вопрос: что именно считать главным объектом правовой защиты. В подобных случаях важно не просто зафиксировать несколько последствий, а определить, какой интерес пострадал в наибольшей степени и находится в наиболее прямой связи с совершённым деянием. При этом следует учитывать и социальную значимость нарушенного блага, а также то, может ли вред оцениваться как совокупный либо как альтернативный. Для правоприменительной практики это означает необходимость более чётких подходов к разграничению таких ситуаций.

Недостатки правового регулирования прежде всего связаны с тем, что ряд понятий сформулирован недостаточно чётко. Из-за этого одни и те же положения могут пониматься по-разному, что неизбежно отражается на правоприменительной практике. Особенно заметна эта проблема при отделении обычных составов от квалифицированных: признаки, по которым должно проводиться такое разграничение, нередко остаются расплывчатыми и допускают широкое усмотрение. Дополнительную сложность создаёт отсутствие ясных материально-правовых ориентиров для оценки экологического вреда. Пока не закреплены единые критерии измерения ущерба, границы преступного поведения определяются неодинаково. Это делает ответственность менее предсказуемой и ослабляет профилактическое воздействие уголовно-правовых запретов.

Форма вины в экологических преступлениях проявляется преимущественно в категориях умысла и неосторожности, что требует четкой дифференциации в каждом конкретном составе. Умысел может выражаться как в прямой, так и в косвенной форме и зачастую проявляется через сознательное пренебрежение экологическими требованиями. Неосторожность в таких делах связана с профессиональной или технической неправомерностью действий, когда вред наступает вследствие недобросовестного отношения к обязанностям или недооценки рисков. Практическая дифференциация умысла и неосторожности осложняется спецификой экологической деятельности и характером причиненного вреда, что порождает неопределённость в применении норм уголовного права. Отсутствие универсальных критериев прогнозируемости вреда и стандартов поведения для различных отраслей ведёт к разнородной

судебной практике. Вследствие этого требования к доказательственной базе по вопросам субъективной стороны и к экспертным заключениям становятся решающими при квалификации деяний.

Доказательство субъективной стороны при корпоративной и коллективной ответственности затруднено наличием множественности участников и разделением обязанностей внутри организаций. Идентификация волеизъявления юридического лица как совокупности решений конкретных должностных лиц требует установления конкретного управленческого решения или системной организационной практики. При этом распространённой проблемой является разграничение индивидуальной вины сотрудников и организационной ответственности предприятия, что усложняет процесс доказывания.

При установлении причинно-следственной связи в экологических делах существенное значение имеет латентный характер многих преступлений и затруднение в определении потерпевших, что прямо влияет на оценку причинённого вреда. Такая ситуация утяжеляет задачу установления непосредственной связи между деянием и наступившими экологическими последствиями. Методологические проблемы установления причинения экологического вреда включают необходимость комплексной технической, химической и экологической экспертизы и сложность выделения вкладов разных источников вреда. Временные и пространственные рассогласования между фактом нарушения и проявлением вредоносных последствий затрудняют однозначное закрепление причинно-следственной цепи.

Отсутствие вины как основание для освобождения от уголовной ответственности реализуется в случаях форс-мажора, стечения обстоятельств и совершения правомерных действий при наличии всех необходимых условий. Форс-мажор признаётся только при наличии доказательств того, что обстоятельства действительно носили чрезвычайный и непредотвратимый характер. Важно установить, что лицо не могло заранее предвидеть такие события и разумными мерами предотвратить причинение вреда. Сходный подход применяется и к случаям правомерного поведения либо стечения обстоятельств: они требуют подтверждения документами, заключениями специалистов или иными объективными данными. Использование этих оснований ограничено, поэтому при правовой оценке они проверяются особенно тщательно.

Не всегда удаётся точно соотнести экологически опасное деяние с тем объектом и предметом, которые охраняются уголовным законом. Одна из причин заключается в том, что в теории до сих пор нет полной ясности относительно содержания объекта экологической охраны. Из-за этого на практике возникают сложности: правоприменителю бывает трудно определить, какую норму следует применять и как именно квалифицировать совершённое деяние.

Проблема усиливается, когда используемые в законе и научной литературе понятия трактуются по-разному. В такой ситуации становится сложнее установить, каким именно общественным отношениям причинён вред в конкретном случае. Если объект преступления определён неверно, то и квалифицирующие признаки выбираются ошибочно, а итоговая правовая оценка деяния оказывается неточной.

Отдельные трудности возникают и при определении предмета экологического преступления, особенно когда в нарушении участвуют организации, их руководители или иные должностные лица. На практике это нередко отражается в обвинительных документах: в них непоследовательно описываются наступившие последствия, а связь между действиями виновных лиц и вредом окружающей среде раскрывается недостаточно ясно. В результате такие недостатки могут повлечь переквалификацию содеянного либо прекращение уголовного дела

из-за отсутствия необходимой юридической определённости.

Когда при квалификации смешиваются уголовно-правовые и административно-правовые признаки, становится неясно, где проходит граница между данными видами ответственности и по каким основаниям следует выбирать конкретный правовой механизм. Из-за этого одно и то же поведение может быть ошибочно отнесено либо к административным проступкам, хотя по своей сути требует уголовно-правовой оценки, либо, напротив, к преступлениям, когда достаточно мер административного воздействия.

Такая ошибка влияет не только на формальную квалификацию, но и на содержание правовой оценки в целом. Неверно выбранная конструкция искажает смысл диспозиции нормы, приводит к несоразмерному применению санкций и ослабляет защиту общественно значимых интересов. В судебной практике поэтому встречаются ситуации, когда разграничение административной и уголовной ответственности проводится непоследовательно, вследствие чего неверно устанавливаются как объективные признаки состава, так и субъективное отношение лица к совершенному деянию. В конечном счете это нарушает единообразие правоприменения и становится причиной противоречивых юридических решений.

Недочёты в оценке доказательств и неверное применение презумпций в экологических делах отражают недостаточную методологическую подготовленность и неопределённость нормативной базы, что осложняет установление причинно-следственной связи между деянием и экологическим вредом. Судебная практика демонстрирует случаи признания доказательств недостаточными вследствие размытости критериев квалификации и неполноты экспертных заключений. Неправильное использование презумпций может приводить к смещению бремени доказывания и искажению объективной оценки фактических обстоятельств.

Уточнение объективной стороны должно происходить через конкретизацию признаков запрещённых деяний и установление объективных критериев вреда, включающих количественные параметры (объёмы выбросов, концентрации загрязняющих веществ, площадь и длительность воздействия) и качественные характеристики (токсичность, способность к биоаккумуляции и стойкость в среде).

В нормативном регулировании следует закрепить показатели экологического риска, такие как вероятность реализации негативного эффекта, масштаб потенциального ущерба и уязвимость экосистемы. Для установления причинно-следственной связи между действием и наступившим вредом необходимо предусмотреть обязательное использование методик научно-технической экспертизы и возможность применения презумпций при нарушении технических нормативов. Закрепление таких критериев и индикаторов сделает применение уголовно-правовых норм более предсказуемым: у следствия и суда будет меньше оснований для разночтений при оценке действий, повлекших экологический ущерб. Это, в свою очередь, поможет сгладить те пробелы и неточности законодательства, которые ранее осложняли квалификацию подобных деяний.

Практическая реализация отмеченных теоретических дефектов выражается в распространённых ошибках квалификации, в особенностях доказывания вины при смешанных формах вины и причинении вреда экосистемам, а также в несоразмерности применяемых санкций. Как показано в анализе практики и доктрины, это приводит либо к формальной криминализации малозначительных деяний, либо к отсутствию адекватной уголовно-правовой реакции на существенный экологический вред. Такие наблюдения подтверждают вторую задачу исследования и демонстрируют препятствия для достижения превентивной и восстановительной функций наказания.

Закключение

Реализация предложенных мер представляется осуществимой в рамках действующей правовой системы при поэтапном сочетании нормативной доработки и институционального сопровождения. Успешность такой реализации должна сопровождаться мониторингом практики и эмпирической оценкой эффекта проведённых изменений с последующей корректировкой мер. В результате унификация конструкций, повышение определённости норм и ориентация санкционной политики на восстановление и превенцию укрепят правовую защиту окружающей среды и повысят эффективность уголовно-правового реагирования.

Библиография

1. Амирханов Т.Г., Яковлева Т.А. Экологические преступления: криминологическая характеристика и основные направления профилактики // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 11-3 (98).
2. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Концепция антропоцена и ее влияние на российскую правовую доктрину и экологическое законодательство // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2025. Т. 29, № 4. С. 819–836.
3. Боголюбов С.А., Болтанова Е.С., Бринчук М.М. и др. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: Научно-практическое пособие / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2017. 368 с.
4. Боковня А.Ю. Понятие и система преступлений, связанных с загрязнением объектов окружающей среды по УК РФ // *Вестник экономики, права и социологии*. 2014. № 2. С. 108–111.
5. Васильева М.А., Зубенко Е.В. К вопросу об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений // *Человек: преступление и наказание*. 2019. Т. 27(1–4), № 4. С. 504–509.
6. Кольцов М.И. К вопросу о некоторых проблемах наказуемости за совершение экологических преступлений // *Актуальные проблемы государства и права*. 2020. № 15. С. 348–354.
7. Кравченко И.О. Экологическая преступность: состояние, структура, динамика за последние десять лет // *Академический юридический журнал*. 2022. Т. 23, № 3(89). С. 273–281.
8. Лукомская А.С., Балаева М.С. Усмотрение суда при смягчении наказания по делам об экологических преступлениях // *Евразийский Союз Ученых*. 2018. № 8-5 (53). С. 48–49.
9. Якимова Е.М., Иванова Л.А. Оценочные и четкие критерии разграничения преступлений и административных правонарушений // *Вопросы российского и международного права*. 2023. Т. 13, № 8-1. С. 106–111.

Conceptual Foundations of Criminal Law Regulation of Environmental Crimes in the Russian Federation

Daniil S. Kostenkov

Postgraduate Student,
Higher School of Law,
Yugra State University,
628012, 16, Chekhova str., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;
e-mail: Kostenkov@mail.ru

Abstract

The article examines the theoretical-legal and practical problems of criminal law regulation of environmental crimes. Particular attention is paid to the uncertainty of objects of protection, the difficulties of establishing a causal relationship, the delimitation of criminal and administrative

liability, as well as issues of proving guilt. The author analyzes legislative defects affecting the qualification of environmental crimes and the proportionality of sanctions. Measures are proposed for specifying the elements of crimes, formalizing the criteria of environmental harm, and improving approaches to the criminal law protection of the environment.

For citation

Kostenkov D.S. (2026) Kontseptual'nye osnovy ugovovno-pravovogo regulirovaniya ekologicheskikh prestupleniy v Rossiyskoy Federatsii [Conceptual Foundations of Criminal Law Regulation of Environmental Crimes in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 441-447. DOI: 10.34670/AR.2026.56.99.050

Keywords

Environmental crimes, criminal liability, environmental harm, qualification of crimes, environmental protection, research methodology, criminal law.

References

1. Amirkhanov, T. G., & Yakovleva, T. A. (2024). Ekologicheskie prestupleniya: kriminologicheskaya kharakteristika i osnovnye napravleniya profilaktiki [Environmental crimes: Criminological characteristics and main directions of prevention]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 11-3(98).
2. Anisimov, A. P., Isakova, Yu. I., & Pratsko, G. S. (2025). Kontseptsiya antropotsena i ee vliyanie na rossiyskuyu pravovuyu doktrinu i ekologicheskoe zakonodatel'stvo [The concept of the Anthropocene and its influence on Russian legal doctrine and environmental legislation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 29(4), 819–836.
3. Bogolyubov, S. A., Boltanova, E. S., Brinchuk, M. M., et al. (2017). Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda [Legal regulation of compensation for environmental damage]. *INFRA-M*.
4. Bokovnya, A. Yu. (2014). Ponyatie i sistema prestupleniy, svyazannykh s zagryazneniem ob"ektov okruzhayushchey sredy po UK RF [The concept and system of crimes related to environmental pollution under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2, 108–111.
5. Koltsov, M. I. (2020). K voprosu o nekotorykh problemakh nakazuemosti za sovershenie ekologicheskikh prestupleniy [On some problems of punishability for committing environmental crimes]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Current Problems of State and Law], 15, 348–354.
6. Kravchenko, I. O. (2022). Ekologicheskaya prestupnost': sostoyanie, struktura, dinamika za poslednie desyat' let [Environmental crime: State, structure, dynamics over the last ten years]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* [Academic Legal Journal], 23(3), 273–281.
7. Lukomskaya, A. S., & Balaeva, M. S. (2018). Usmotrenie suda pri smyagchenii nakazaniya po delam ob ekologicheskikh prestupleniyakh [Judicial discretion in mitigating punishment in environmental crime cases]. *Evraziyskiy Soyuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 8-5(53), 48–49.
8. Vasilyeva, M. A., & Zubenko, E. V. (2019). K voprosu ob ustanovlenii obstoyatel'stv, podlezhashchikh dokazyvaniyu po ugovovnym delam o nezakonnoy dobyche vodnykh bioresursov i rubke lesnykh nasazhdeniy [On the issue of establishing circumstances subject to proof in criminal cases of illegal extraction of aquatic biological resources and logging]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: Crime and Punishment], 27(1–4)(4), 504–509.
9. Yakimova, E. M., & Ivanova, L. A. (2023). Otsenochnye i chetkie kriterii razgranicheniya prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy [Evaluative and clear criteria for distinguishing between crimes and administrative offenses]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 13(8-1), 106–111.